

Н. Д. Попов

Вспоминаю август 68-го

18+

Николай Попов
Вспоминаю август 68-го

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Попов Н. Д.

Вспоминаю август 68-го / Н. Д. Попов — «ЛитРес: Самиздат»,
2008

К 50-летию ввода войск стран Варшавского договора на территорию
Чехословакии. Впечатление, мнение и размышления младшего сержанта
срочной службы о событиях августа 1968 года.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

18

До моего слуха, из включённого телевизора, дошла концовка фразы: «...вступление армий пяти социалистических стран в пределы Чехословакии в 1968 году не было обоснованным, а решение в свете всех, известных теперь фактов, было ошибочным».

Понял так: осуждает новая Чехословакия, что не тронуло моих чувств – было естественным, они должны были так сказать. И давно.

Заинтриговал вопрос, а что скажут в ответ «наши»?.. Представил способность Михаила Сергеевича плести спиральную сеть слов вокруг да около, не давая конкретного ответа на конкретно поставленный вопрос, снимая со всех ответственность и никого не обвиняя... оказалось – ошибся!

Осуждали «наши»... всплеск противоречивых чувств – осуждали меня, «интернационалиста», имеющего грамоту за участие в Чехословацких событиях!... И сказана хоть какая-то правда... поздно, но сказана... Правда, которую с тяжким изломом, но понимали... как могли.

В «осуждении» звучала укоризна чувству выполненного долга, но и реабилитация моего понимания правды ТАМ... и последующих событий в нашей стране.

В политике ошибки не признают – их исправляют. Признать ошибку – это не только осудить тех, кто совершил её организационно (никакой высокопоставленный политик не вправе осуждать кого-то – судить он может только себя), но и растоптать тех, кто её совершил по принуждению... Мерзость политики – гнобить невиновных.

Горбачёв совершил это грязное политическое действие, признав ошибочным и ввод войск в Чехословакию, и в Афганистан... с «вводом» ошибки не было... ошибка в надуманной причине «задержки» наших войск.

К августу 1969 года, годовщине «событий», был написан очерк-размышление – готовился на факультет журналистики. Друзья, знакомые и незнакомые с интересом слушали мои впечатления о моём «вояже» в Чехословакию, что и подтолкнуло перенести их на бумагу.

Свои записки принёс в редакцию районной газеты и показал редактору Евгению Евгеньевичу, добродушному человеку с азартным взглядом и прозрачными мыслями, умеющему погасить, казалось бы, любой взрыв в чужой душе.

Евгений Евгеньевич слышал мои устные рассказы, поэтому с интересом притянул к себе две школьные тетради и тут же начал читать мои каракули. Привычно, по-редакторски черкая красным карандашом... который отложил после трёх страниц.

Лицо его наполнилось озабоченностью, непонятно насторожившей меня. Закончив чтение, он воткнулся в меня пронизывающим взглядом. Долго молчал, как бы осмысливая увиденное в моём нутре... заговорил, раскладывая по полочкам, понималось – меня начинают учить.

– Во-первых, уйма ошибок... грамматических (мне стало стыдно)... Читать надо больше русской классики... и не взахлёб, а втирать в память каждое слово...

– Во-вторых, устный рассказ у тебя живой, а на бумаге не хватает слов... жестами и мимикой написанному не поможешь (стыд не давал мне права на возражение)...

– В-третьих... в-четвёртых и т. д. Не буду говорить, нет смысла... для этих строк... Но в главном скажу: эта тема не для написания... Оставайся при своём мнении, но написанное... никому... пока... не показывай – не напечатают... даже Твардовский, будь он опять редактором «Нового мира» (меня облило внезапным страхом, который обычно исходит от особо уполномоченных чиновников с хамовитыми требованиями, проявляя диктат над чувствами и мыслями оппонентов... была потребность возразить... объяснить или хотя бы задать вопрос – почему?... но язык приклеился)...

– Почему?... не буду объяснять – пойми сам. ТАМ понял ситуацию – пойми и ЗДЕСЬ.

Что в моих строчках было такое, чтобы не «пущать»?.. наивность?... возможно... Главное, там не было состояния и настроения – «Мы», воспитанное идеологией, законами и правилами

общежития, чувством коллективизма до такой степени, что в общем растворяется и теряется – «Я»... Трудно и опасно жить, если вдруг найдёшь и проявишь своё «Я» в противовес «Мы».

Приближалась десятилетняя годовщина Чехословацких событий, ситуация «там» и «здесь» понималась в определённом смысле... но у меня была аллергия на слова – болел трудно излечимой болезнью, когда прочитанное или написанное слово вызывало тошноту, словно оно несло ложь, извращение, нагромождение замаскированной грязи в ровные красивые буквы.

Года три-четыре не писалось ни строчки... не читались книги и газеты, в которых расписывалась «правильная» и «красивая» правда, пудрящая мозги и извращающая жизнь. Казалось, разучился разговаривать – в семье, на работе, с приятелями изъяснялся на каком-то полугавкающем диалекте: полуслова, полуфразы, полумысли... а 68 год никого не интересовал... стирался из моей памяти... записки тускнели в связке макулатуры.

Комсомол воспитывал во мне борца... но натура сопротивлялась любым попыткам борьбы – из-за чего душевное противоречие и наплыв депрессии... Каждое дело из-за кажущейся ненужности и противности не доводилось до конца... Превращался в одинокого среди людей – не борьба управляла мной, а потребность высказаться.

Расхождение понимаемой действительности с официальными лозунгами и «красивой» пропагандой состояния общества и его целей – угнетало и чётко вырисовывало картину: в 68-м была задущена не только «Пражская весна», но и окончательно растоптана и замурована – с глаз долой! – наша «оттепель».

Хотелось выть от такой картины – на моих глазах спивались и курвились именитые и бесхитростные «шестидесятники».¹

Наверное, в силу желания ещё раз определиться и распознать будущее, решил испортить несколько листов на воспоминание августа 68-го и, никому не показывая, сложил в ту же связку макулатуры... до 88-го года, когда услышал «признание ошибок»... захотелось вернуться в прошлое...

Воспоминания написаны в разных настроениях и мироощущениях по времени, но рискнул их соединить, переплетая последовательностью.

Многие желают, а некоторые даже жаждут оставить след на движущей спирали истории... не многим это удаётся, чаще маховик истории оставляет глубокие и болезненные следы в умах и сердцах людей.

История зачастую похожа на детектив, причём, сколько толкователей – столько версий... и в этом полезность для развития ума – подвергая всё сомнению, выстраиваешь своё мнение,

¹ ...бесхитростные «шестидесятники». Смерть Сталина и XX съезд КПСС отогрели холодные сердца... и творческий люд наполнялся теплом и добром. Пережитое и обдуманное, а не запланированное идеологией, стало выливаться в стихах, в прозе, в песнях... и была жгучая попытка раскрыть современность во всём своём противоречии... взвалив на себя непосильное ярмо, что, собственно, является главной задачей подлинного художника... которую, в силу многих причин, не смогли осилить «шестидесятники». Они воспели свои идеалы, хорошо понимая идеологию современности, но не во всём понимали психологию современников, а культурность и знания выдавали за духовность. Они стремились к энциклопедическим знаниям, чем были сильны... и в чём их слабость – захлебнулись в знаниях, не научившись понимать своего чувственного опыта. Искали не истину, а идеи... искажая истину. Жили мечтой, которую ждали, делая к ней робкие шаги. Приравняли образ мысли к образу жизни, считая, если есть расхождение, то образ мысли не обладает свободой, а такое поколение не удобно и трудно управляемо властью. Ошибки в понимании приводят к ошибочным поступкам... к искажению идеалов, даже сделав открытие: главное в искусстве не техника исполнения, не способность отображать, а мысль и передача чувств... знать истину и не пользоваться ею. «Шестидесятники», как никто другой, понимали, что воображение сильнее реальности, и оно является двигателем развития художника... в этом поиск новых направлений мыслей и чувств. Из такого понимания родилось множество талантов. Не всегда востребованных, чаще загнанных официозом и цензурой в пустыню одиночества или в болото трагедий. «Бодаться» с идеологией могли только те, кто её отверг и выкинул из своего сознания... отвергая или выкидывая подчас из себя порядочную сущность... Имена собственные в данном контексте не имеют значения. Они приобретут смысл при рассмотрении единичного объекта, ибо раскрывают суть случайного. «Шестидесятники» – это не философия, а состояние души, внезапно получившей маленькую свободу, наваянной возможным, но не состоявшимся «возрождением» в период «оттепели».

которое признаётся только мной. Может быть интересным и для других... но убеждать кого-то – это насилие.

Вот поэтому рациональное осознание любой личности нуждается в определённой собранности... Но чувственный опыт настолько индивидуален, что любая организованность для личности опасна... Как соединить несоединимое?.. Изломом разума или ущемлением чувств?.. Недальновидные политики так и поступают – ставят в рамки воспитание чувств, чем ограничивают сознательную деятельность... удобно – и чувство, и сознание людей под контролем.

Августовские события 68-го в Чехословакии, не берусь судить обо всём поколении, но для многих изменили представление и понятие о политике, о взаимоотношениях в человеческом обществе, обновило понятие о смысле жизни.

Мы улетали из Союза с чувством тревоги, с ощущением случившейся катастрофы... и с проникновением, будто спешили к внезапно заболевшему другу... Ещё не понимая, что любовь к человечеству, одна из прекрасных идей, исходящей от сердца и широкой души, – по этой же причине и её ничтожность из-за неисполнимости и недостижимости в реальном пространстве.

Любить человечество – забыть о себе... и не дожидаться взаимности... натолкнуться на пустоту... и увидеть свою ненужность.

Слабость разума – неспособность объяснять недоступные ему явления... и тогда рождается вера в сверхъестественное... и надумываются несвойственные организму чувства.

Заявление ТАСС о вводе войск «по просьбе партийных и государственных деятелей» мы услышали в семь утра 21 августа из радионовостей... а 20-го в 19:15 нас подняли по тревоге... и мы со всей техникой стали на боевое дежурство. Смысл был неясен: учебная тревога?.. или где-то прорыв?.. Египет?.. Куба?.. Чехословакия?.. Греция?.. Вьетнам?.. Сходились на Вьетнаме...

Война – всегда ложный аргумент... но имеет пару оправдательных аргументов – оборона и восстановление законности... которые, к сожалению, используются во сто крат шире существующей действительности – все победные войны оборонительные или восстанавливают законность.

Полное отрицание войны, ещё более сложный вопрос, не имеющий оправдательных ни элементов, ни даже моментов... если их находят – это выдумка.

Агрессия – всегда варварство, но оборона, точнее сила обороны, – всегда сдерживание агрессии.

Любая война не может быть оправдана... оборонительные действия найдут оправдание.

В 9:00 была поставлена задача: двум эскадрильям полка подготовиться к передислокации в ЧССР. Ещё сутки живём в полевых условиях – работаем, смотрим «Обыкновенный фашизм» и внимательно следим за событиями.

Живём в трепетном напряжении. Как никогда чётко выполняются приказы... и уровень их целесообразности довольно высок. Оказывается, как много и разумно мы можем делать в едином порыве.

Само собой получилось – увидел возможность читать между строк в советских газетах... и какие были мастера, умеющие прятать сокровенные мысли в строчках!... И чтение было не скучным – одно слово, поставленное вне контекста, могло создать трепетную мысль и звонкое открытие.

Взволновала и поставила враскоряку статья в «Правде» «Чего они добились (расчёты и просчёты врагов чехословацкого народа)» – оперативная статья на заявление ТАСС (в том же номере... будто заранее написанная, что было поставлено нами в плюс журналисту Юрию Жукову), анализ в статье предметный, но что-то в ней настораживало...

Ю. Жуков заявляет, что «...советский народ и народы всех братских стран, а с ними все, кому дорого дело мира и социализма, активно поддерживают (?.. подчеркнуто мной – Н.П.) эти действия». Ещё не было и не могло быть ни одного отклика... ещё в этом же номере публикуется о поездке министра иностранных дел ЧССР на отдых в Югославию... ещё говорилось о письме бывших партизан ЧССР в таком тоне, будто ничего не произошло... а тут «активная поддержка!» – не стыковалось, был явный пережест.

И... красной строкой статьи вибрировал «высокий» смысл жизни!.. Нет «высокого» смысла – жизнь пуста!

Да, мы были наполнены высоким смыслом жизни и от глубокого его ощущения реальная жизнь выглядела неразумной... но жили-то мы в реальном мире, где не требовалось пафоса, а элементарная способность понимать и находить в нём своё место или в приспособлении, или утверждая своё «Я» – трудный выбор для неокрепшего ума.

Сложности и неудобства начались с первой секунды объявления боевой тревоги...

«Разводящий» (один из старослужащих, который знает, кому подавать пожирней, а кому пожиже) за столом (был ужин) смачно помешивал кашу (хлеб, масло, мясо и сахар были уже розданы и лежали выжидающими кучками возле пустых мисок)... и тут взвыла сирена...

В первый миг тревожно округлились глаза, и сработало сознание не только на давно отретированную цепочку последовательных действий, но и на выработку вариантов предстоящей угрозы...

Половник дёрнулся и утонул в запахе гречневой каши – «разводящий» исчез с поля зрения, столовая пришла, казалось, в суматошное движение.

Край глаза запечатлел, что Паша задержался... поворотом головы, определил его задержку – он сдёргивал со столов хлеб, сахар, мясо.

Меня поразило – розданный харч, в большинстве своём, лежал на столах, но моё было в моих руках... и ещё несколько парней, в основном «стариками» (старослужащие, которые предпочитают питаться пожирней за счёт иной части военнослужащих) что-то держали в кулаках.

У «салажонка» (военнослужащий без привилегий «стариков») из Красноперекоска чуть позже брызнули слёзы из-за своей несообразительности... Паша поделился тем, что успел хапнуть, правда, неохотно... всё же с «салажонком», но старик Дима взмахом кулака перед Пашиным носом поставил условие: «Не поделишься – перестану уважать», чем поразил меня.²

² ...чем поразил меня... Недели две до этих событий со «стариком» Димой у нас была стычка... позорная драка... Будучи «салагами» мы, парни одного года призыва – «годки», сдружились легко... физически развиты – в основном спортсмены-разрядники, образованы – все со средним или средне-техническим образованием, супротив нашим «старикам», имеющим в основном семилетку, изредка плюс ПТУ. Да и характеры были в основном самоуверждающие, что воспитывало самостоятельность, а это позволяло не дать себя в обиду. Став «стариками» и «дедами» («дедовщина» как понятие вновь вернулось в армейскую жизнь в наши переходные годы – с трёх на два года службы, когда нашему призыву выпала доля служить не три, но и не два, а два с половиной года), мы к своим «салагам» проявили благосклонность и милосердие – отобрали власть у своих «стариков» и поделились ею со своими «салагами»... преподнесли на тарелочке с голубой каёмочкой, а даренное не ценят так, как приобретённое. Число нарушений по самоволкам, непослушанию по всем призывным годам увеличилось. «В бой (читай, в самоволку) идут одни старики» – было законом армейской жизни. Наша либерализация разрушила этот закон – в «бой» пошли все... чем возмущало и было неприемлемо для наших отцов-командиров. По правде говоря, уровень боевой подготовки, знание дела и исполнительность в деле были высокими. Через год после увольнения посетил свой полк... профессионализм упал на пару порядков – командиры вздыхали по нашим знаниям и рукам. А «дедовщина» была яростной и зверской – командиры выли от невозможности вернуть «нашу» добропорядочность и справедливость... послушав жалобы командиров, осознал... и возможно в глобальном масштабе, как безжалостно может эксплуатироваться милосердие и доброта теми, кто не имеет культуру пользоваться ими. И вот... логики в словах уже не было... рассудочность рассыпалась под воздействием ненависти... взаимные упрёки зашли слишком далеко – зверская ярость и непримиримость сверкали в глазах и сжимали кулаки... исход один – драка! Он крупнее меня... на моей стороне натренированность и боксёрский опыт. Опережаю ударом... и пропускаю – мои рёбра встретились с его кулаками... нас, как котят, скрутили и растащили в разные стороны. Пытаемся брыкаться, рвёмся друг к другу, оплёвывая матерными и оскорбительными словами... даже в ту минуту было стыдно. Позже, на протяжении многих лет, краснел и приходил в разрушенное состояние, вспоминая эту стычку – недовведенную до конца дуэль на кулаках. Чтобы не мучить совесть и один раз... и чтобы навсегда, нужно прогнать через извилины мозга

Грузились до полуночи. После двух ночи вылетели... До границы с ЧССР не более тысячи километров – два часа лёту, а прошли за четыре... посадка подо Львовом, каким маршрутом прошли?

Утром после посадки обнаружили – нет сухого пайка... Командиры со злобой искали виновника... а мы осматривали окрестности в поисках съедобного, но вокруг степь в тумане, и бетонка подсказывала – вокруг, на расстоянии видимости, нет ничего жилого... да и нам не разрешено переступать за двадцатиметровую полосу от транспортов.

Пилоты порылись в «потаённых» отсеках... и из четырёх транспортов откопали около трёх кг сухарей, пропахших керосином, на 150 ртов... и ни капли воды... Вспомнилась детская забава – сбориание росы с травы на ладонь...

Зрелище – укатайка... «стадо» цвета хаки ползаем по траве, и божественный восторг гасит туманную дымку – слизанные капли росы с ладони вкуснее нектара с Олимпа!

К одиннадцати часам дня начальник штаба с командой старшин притащили, с их слов, выпрошенные на коленях, со слезами, угрозами с призывами о патриотизме, у местного авиаполка – три головки голландского сыра, три оковалка колбасы, с десяток буханок хлеба и пять трёхлитровых баллона берёзового сока... и обещание – положенный паёк за сегодняшний день ждёт нас на месте прибытия и норма кормёжки будет увеличена.

Вылетели около часа дня... и опять каким-то невысказанным маршрутом через Польшу до Острова – за три часа.

Над Чехословакией летели на максимально низкой высоте – виделось испуганное выражение лиц у людей... четыре мощных транспорта шумно разрывали воздух над головами чехов... явный акт устрашения... и в эти минуты он воспринимался с гордостью, но что-то пугало и меня...

Приземлились в тумане... Сквозь белую пелену проглядывались стволы зениток и коробки танков с красными звёздами, подчёркивая серьёзность мероприятия.

Тяжело ударила по сознанию надпись метровыми буквами на ангаре, по-русски: «Оккупанты, уходите домой! У нас свой социализм».³ В душе родились тревога и обида... понял... в воздухе бояться равноценного ответа...

эту мерзкую сцену, найти её корни и понять, что из них выросло... понятое оставить в покое, и оно оставит меня. Причиной обоюдной вспышки гнева стало множество факторов, слившихся воедино. Главное, личная неприязнь друг к другу... часть группового мундира мы поддерживали своеобразно – не только делали вид, но на самом деле не замечали один другого, даже находясь рядом при деле – меня не было для него, а его для меня. Он не терпел во мне способность разделять мнение каждого, не разделяя людей по разрядам и породе, словно моё согласие с кем-то оскорбляло его. В нём мною нетерпима была прямолинейность, в которой раскрывалось малоосмысленность и бестолковость, а значит ненадёжной в общении, но она была его и ему принадлежала. Меня корбило от его «остроумного» цинизма в характеристиках, которыми унижал своих сотоварищей, а себя ощущал высоко стоящим... но никто из наших «годков» не был ни под его влиянием, ни дружески предрасположен к нему – он был случайным в любой компании. Одиночка с самомнением... но воздействовать было его страстью, причём упрощённым способом, как уличный хам – неожиданной требовательностью, безапелляционной глупостью в ранге истины последней инстанции, ошарашивать и смущать, вызывая страх, осушающий язык для возражения. Он не терпел меня за понимание его надуманных глупостей... и молча сносил мои возражения... а в этот раз он был непримирим – от силы правоты, а я ему перечил любым способом... и стал на своём – не верилось в его правоту... Поводом обоюдной вспышки гнева явилось унижение «молодых» – опекаемых мною... Двое «молодых» и он работали в одной спайке – он не смог перекрыть не сделанное двумя лоботрясами... и хамили они больше, чем он... И наказание от командиров получил он... а потом сработал метод скатывающегося кома, и он вокруг «молодых» нацепил всё, что мог, но, главное, увидел то, что не увидел я... Стычка сбита с него некоторую спесь, но мне открылась истина: прямолинейные напрямую дальше видят. – «Салажня», идущая за нами, будет противнее наших «стариков», поплачут от них «будущие поколения», – не верил Дмитрию, не хотел понимать по-другому, был в этом вопросе сам прямолинейным... Добро должно породить добро в любых условиях – понималось мной тогда... а то, что все корни любого явления находятся в среде его породившего – понято позже... Дима оказался прав! От стыда мы не смотрели в глаза друг другу, прятали взгляд в кирзовые сапоги или в песок. Продлилось бы такое состояние долго. Может, до конца службы так и не подали бы руки... Чехословакия соединила нас крепким рукопожатием, а со взлётом из «большой земли» растворилась обоюдная неприязнь. Нет, мы не стали закадычными друзьями, но дух товарищества сохранился до конца службы. Вероятно, условия единомыслия и одинакового мироощущения – это та почва, на которой вырастает товарищество.

³ ...свой социализм... На третьей неделе пребывания в ЧССР, Лёвчик в приватном разговоре задал чешскому майору вопрос: «В чём смысл «их социализма»?.. на что майор ответил анекдотом... Леонид Ильич после «Пражской весны» спросил

Тревожила не только обстановка, но и возможная угроза межконтинентального пожара – между приведёнными в полную боевую готовность войсками стран НАТО и стран Варшавского договора лежала узкая полоска чехословацкой границы.

Обидно за то, что подчёркнуто старались ущемить словом «оккупанты», будто не по их просьбе пришли, да ещё давят на совесть: «В 45-м – освободители. В 68-м – оккупанты!»

Встретившие нас офицеры обрисовали обстановку как боевую: «... оружие не отпускать из рук ни на секунду», – только через две недели смогли поставить карабины в козлы.

Пугнули готовящейся боевой провокацией – разведка донесла... Наполнили воображение изуверскими картинками боевых стычек с противниками социализма... Намекнули на полный контроль за обстановкой, что ещё более внесло в мозги сумятицу... «напряжённая обстановка» и «полный контроль» – не увязывались... и некогда было «увязывать» в потоке информации и впечатлений.

И всё же, разрешая сомнения, виделось и понималось: использовать ненависть к «врагам» для борьбы с «неправильной» идеологией – это напасть на себя – ненависть создаёт «врагов» с преувеличенной мерзостью... польза от ненависти только в одном случае, когда она направлена на преодоление себя и «врагов» внутри себя.

Мучила жажда. Привезли воду. Звонком... Полевой телефон выдаёт информацию: «Вода отравлена». Позже узнаём ещё один лозунг: «За Дубчека⁴ и Свободу^{5*} не дадим вам воду»... Ждали очередного привоза в ошарашенном состоянии...

у Дубчека.– Мне доложили, что ты собираешься строить какой-то особый социализм?.. Наша марксистско-ленинская наука утверждает: разного социализма не бывает. На что Дубчек ответил:– Мы пойдём дорогой гуманного, демократического социализма, – брови Брежнева ошетились, глаза округлились, челюсть отвисла... – Саша!.. На что это похоже? Дубчек, взглядом художника окинул физиономию Брежнева, ответил:– Это социализм с человеческим лицом! Мы искренне и дружно смеялись... скорее всего, не задумываясь в тот момент и не осознавая, что в этом анекдоте прячется глубокая истина – всякая власть способна заблуждаться, но ещё более заблуждаются те, кто ей противостоит. Свобода освобождает от страха перед властью... Что с этим делать?.. Всё зависит от воспитания и состояния души... и свобода от страха не означает взятие обязательств перед властью. Власть остаётся «противной» и «ненужной»... мы и «они». Получить свободу бывает легко, пользоваться ею намного сложнее... А вот воспитать в себе обязанность не только перед властью, но и перед родным человеком, коллективом, обществом – труднейшее дело. Трудности пугают и способствуют превращению в раба... для тех, кто противостоит существующей власти и сами хотят власти.

⁴ А. Дубчек... – 1921 года рождения, в КПЧ с 1939 года, член ЦК КПЧ с 1958 года, с января 1968 по апрель 1969 годов – первый секретарь ЦК КПЧ... исключён из КПЧ в 1970 году... с 29 декабря 1989 года – председатель парламента Чехословакии! Лидер «Пражской весны», главная задача которой – социализм «с человеческим лицом». Мои знания о Дубчке до августа 68 года по нашей прессе, не вызывало симпатий. Более того, его образ для меня рисовался карикатурным – этакий вертихвост без определённого направления мысли. Узнанное о нём в Чехословакии, чтение подлинных речей и размышлений времён января-июля 68 года, превратили его симпатичным в моём сознании... Но не снималась с него вина за август 68 года, хотя понималось, что «наш Саша» не в силах был что-то противопоставить патриарху всея социалистического содружества Брежневу. В каждом деле, которое требует начала, есть решительные, сомневающиеся и противники... Беда Дубчека и его соратников, как «мы» понимали по советской прессе и заявлениям советского руководства, в том, что среди противников было много врагов, среди сомневающихся – противников, среди решительных – идущих в разные стороны... упрощённое представление?.. Но сила советской убеждённости как раз в простоте и на примитивность рассчитана. Настоящая беда Дубчека и его соратников в том, что они рано начали... разрушать Берлинскую стену – она была ещё твёрдо-бетонной, а не трухлявой... поэтому все жертвы в этой совершенной и ненужной драке на совести Дубчека. А действия по «вводу войск» в ЧССР спровоцировали не деяния Дубчека и не Советское руководство, а польское и ГДРовское – возмущённых диктаторов Ульбрихтов и Герек, которых тошнило от вида чьей-то самостоятельности... И никакой «теории заговоров»... на всей протяжённости человеческой истории кто-то чего-то хочет не то, что есть на самом деле... И тогда происходит поиск единомышленников, собирается группа страждущих за «правое дело»... и заговор готов. Такой «заговор» возможен на всех уровнях человеческого общения – от бригады штукатуров до сообщества стран... и всё естественно и случайно – зависит от силы убеждённости и авторитета. «Заговоры» были, есть и будут – это интрига жизни... и личности. Желающих и жаждущих изменить мир, организовать «массы» или попросту компостировать людям мозги превеликое множество. Если иметь в виду слухи, ходившие среди офицеров и из уст особистов в первые дни присутствия в ЧССР, то Дубчек – агент каких-то сил в руководстве КПСС и КГБ (!!)... Каких?.. Через много лет, размышляя об этом, произвольно родилось предположение – это силы, разрушившие Берлинскую стену, а затем СССР... Если это так, то «ввод войск в Чехословакию» не только подавление «Пражской весны», а в большей степени демонстрация силы для тех, кто пытался её поддержать или повлиять на её развитие... Это убедительный аргумент для беспамятных – кто правит миром социализма... и КПСС. Противостояние Дубчека и КПСС восхищало многих его подданных, а с восторгом рассказанный анекдот от чешского майора говорил о силе Дубчека... и, позже мне удалось уловить глубокое понимание сути КГБ... 20 августа заседание Политбюро КПЧ затянулось далеко за полночь. Дубчек сидел

Безысходность туманилась в глазах солдат и офицеров. Зубы скрежетали. На лицах прописывалась готовность рвать и истреблять кого угодно, только покажи и дай команду.

Мудрость из народа гласит: «Добро должно быть с кулаками...» но не объясняет, для чего кулаки... для защиты – нужно для добра... для нападения... добро уже не добро.

Столкнул нас с унылой точки Киричек, ефрейтор-«старик». Он закричал благим матом, не считаясь с субординацией: «Двигаться, козлы, надо! У нас горы дел! А вы бельма выкатили, руки плетью повесили».

Офицеры почувствовали себя командирами. Не обиделись, приняли сказанное за шутку... а мы зауважали Киричека ещё больше – он был надёжен, что ценится выше красоты в чертах лица.

В деле почувствовали себя. Отвлеклись от паршивого мира, неизвестно что таившего в себе. Появилось желание познать его через себя, не загружаясь внешним идеологическим воздействием, сделать мир попроще, не усложняя его своими чувствами.

В суждении достигается достоверность, когда решаю все сомнения... эта достоверность в пределах моих знаний, понимания и убеждённости. В полной мере достоверность уходит в бесконечность... а в пределах познанного она относительна.

Трезвое и беспристрастное мнение принадлежит «чистому разуму» – чего не может быть никогда... Бывает бесстрастная мысль – явление единичного порядка и не имеет рядности... ведь только ряд мыслей может составить мнение.

В советские времена истина определялась мнением узаконенного авторитета (вождём)... что извращало не только истину, но и жизнь людей.

Киричек, с выразительно незаманчивыми чертами лица, но привлекательным взглядом, умел быть пронзительно ироничным, высвечивал спокойную рассудительность и оставался ясным в мутных ситуациях. Своей внешностью он больше отпугивал, чем располагал на какие-либо отношения...

Всякий стремящийся к свободе делается её рабом, а любой делающий себя самостоятельным сам обуславливает отношения с людьми и обстоятельствами. Лучше преодолевать нужную зависимость, чем становиться потребным рабом... В преодолении – ощущение силы, в подчинении слабость, усиленная злостью.

Его способность ориентироваться в обстановке и ненавязчиво предлагать решения из казалось бы безвыходного положения... юмор, без тени безысходности, с грубинкой, тождественной самой ситуации, не придуманный и заранее не подготовленный, а рождённый в действии... непринуждённость в общении с людьми... бескорыстность в делах – само собой притянуло к нему дружбой и растворило его некрасивость в особые черты, подчёркивающие его самостоятельный характер.

На «большой земле» Киричек наблюдал за моим журналистским творчеством для войсковых газет и «литературными чтениями» для всей казармы, высказывал своё мнение... которое мною воспринималось критиканством и несерьёзностью... и отталкивалось душой.

На «малой (чешской) земле» присматриваясь к Киричеку, понимал, что он далёк от поношения – не раскладывал действие на «плохие» или «хорошие» поступки, но в каждом действии

в голове длинного стола напротив входной двери в кабинет... и увидел, как в неё входят русские десантники... поднялся... подтянул к себе вазу с конфетами и стал рассовывать их по карманам... Удивлённые члены Политбюро, не видя вошедших, спросили:– Александр, в чём дело?– На Лубянке конфет не дают... там можно получить в морду.

⁵ * *Л. Свобода* – с 8 марта 1968 года президент ЧССР имел большую популярность у чехов – боевой генерал, возглавлявший чехословацкую армию при освобождении Чехословакии от нацистов... хотя не без критики... без злорадной критики. По нашей прессе – Свобода вроде свадебного генерала, разъезжающего по своей стране с тремя мыслями: компартия!.. социализм!.. дружба с СССР! «Три негасимые звезды» – назвал эти мысли наш собственный корреспондент В. Журавский в одноимённой статье в газете «Правда».

раскрывал заблуждение, в котором находил ошибку и спрятанную за ней истину, – его мнение высвечивается реальностью... а для меня это благодатное явление.

Меня заинтересовала его фамилия... и оказалось, он не владеет ни молдавским, ни румынским языками и не представляет себя вне русской культуры... с колыбели воспитывался на русском языке – родился в Иваново... отец – офицер советской армии, мать – ткачиха.

Впервые в своей жизни мне не пришлось спорить, доказывать свою точку зрения, опровергать мнение оппонента. С Киричком велась беседа, в которой он не настаивал на своём понимании и соглашался с тем, что должно быть правильным... взаимодоверие предполагает непринуждённость в беседе на любую тему.

Помнится первое и последующее – яркое... первой беседой был национальный вопрос... то, в чём мы были «единодушны», выльется в следующую картинку...

Единство – одно из естественных устремлений людей... которое способно сохранить жизнь на земле и уберечь людей от разрушительных страстей и глупости... Но достигнутое единство в полной мере – начало разрушительного процесса... Уничтожению подлежат нации и национальные культуры... нужно ли это людям?.. Мы были «единогласны» – нет!

Нация – особая, отличительная и самостоятельная культура в человечестве, в чём её сила и ценность... В то же время, национальные амбиции, точнее – национальные амбиции политиков (у народа национальная гордость), не способствуют развитию нации и обедняют её культуру... И в интернационализме нет панацеи для обогащения мировой культуры – на разрушенном не обогатишься.

Из этого понималось: укрепление национального государства – то положительное, что воссоздаёт национальную культуру... и насколько данная культура своеобразна и привлекательна, зависит отношение к другим нациям.

Изоляционизм – это не только ограниченность и узость культуры, но, в большей степени, её ничтожность.

Империализм страшен массовой и клишеобразной (современные «критики» назвали бы – попсовой) культурой, засоряющей мозги несуществующим превосходством.

Объединение наций в блоки по идеологическим или религиозным понятиям несут в себе черты изоляционизма и империализма...

Единений наций в общечеловеческую культуру даёт возможность обрести мир и избавиться от глупостей, бросающих людей на противостояние.

Любые мифы рождаются легко и по той же причине неохотно разрушаются... миф свободно воспринимается, по своей простоте... но не всегда наивен.

Международное правление – очередной миф о свободе личности в научно-техническом мире.

Свобода моя там, где моё место и в моём достоинстве, а не в моей власти... надо быть необыкновенно сильным, чтобы выдержать тиранию власти и не подвергнуться изменению к пошлости.

Отношение между нациями на основе международного права, без ущемления свобод личности – единственное реальное правление между нациями... более того, право раскрывает границы между народами, освобождая личность от национальной ограниченности.

«Беседа» на заданную тему проходила в первую ночь на чешской земле, и она душевно способствовала преодолеть неудобства... как мы надеялись, временные, поэтому не существенные.

На следующий день начальник политотдела (ещё не прибыли наши «игрушки» с пилотами, а мозгоковырятьщик уже здесь), на «малой земле» по кличке «комиссар», газетными фразами объяснил ситуацию в мире и на нашем «фронте»... и от себя добавил: «Чехословаки (как будто есть такой народ) идейные предатели социализма!» – получив «бурные аплодисменты» в виде неодобрительного иронического смеха... а для него, как божья роса...

На что Киричек сказал довольно умную вещь:

– Когда пытаются оправдать предательство, в котором только шкурные интересы, то ищут идейную подоплёку... Идейного предательства быть не может – с идеей можно соглашаться или не соглашаться, можно верить или отвергнуть, но предатель – абсурд, – все, кто слышал Киричека... не аплодировали, но молча согласились, и никто не ступил в «идеологическую дискуссию».

В разговоре наедине, в продолжение темы, задал, в большей степени самому себе, вопрос:

– Вероятно, культура нашего «комиссара» ограничена газетными статьями?.. – на что Киричек ответил неординарно:

– «Культура контролирует поведение политиков» – мечта назидательных (в то время, знакомо было слово «либерал», но глубины этого понятия не осознавалось – вокруг себя не встречал либералов) интеллигентов, у которых любимое словечко «надо!»... а что там в душе у «комиссара»?.. может, он поэт, скрывающийся за служебным долгом... а может, и дерьмо, прикрываемое погонами.

Первая ночь. Дождь и слякоть. Единственная палатка не вмещает в себя десятой части людей – транспорт с нашими «крышами» по метеоусловиям посадили на «большой земле».

Что делать? – вопрос для интеллигенции, а голь на выдумки хитра – ещё не прилетевшая «техника» может постоять и под дождём, а вот брезентовые чехлы, натянутые на трапы и лестницы, вполне может заменить палатки.

Полувлажная солома и солдатская шинель смогут согреть душу и тело... можно, уткнувшись в шинель и в себя, помечтать о домашнем уюте и о чём-то добром... Дурные мысли отгонялись – утро вечера мудренее.

Летний, но нескончаемый дождь льёт уже третий час... своим монотонным шуршанием убаюкивает, и проваливаешься в необыкновенный сон...

Рождается весна! Запах зимы исчез. Облака не обременяют небо – приобрели ясный контур и наполнились силой. Лучи солнца заполнили горизонт и замерли стеной, высвечивая даль. Серый цвет смыт теплым дождём, и во всех оттенках разлилась синева. Ветер несёт радостную прохладу и завораживает восторженная трель невидимой птахи... Как никогда хочется дышать и жить...

Вероятно, сегодня добрый и нежный праздник... и дарят цветы... но пусто вокруг и некому подарить букет... я бы предпочёл фиалки...

Снова лето... мы вдвоём на середине бурной Кубани. Течение несёт нас в тишину и в уединение. Молчание не разделяет нас – слова лишние. Говорят глаза – в них блеск предвкушения... и небесной лазури... краски августовского леса... и восторг от движения... Стремительное течение разводит нас, но мы не сопротивляемся – мы будем ощущать только друг друга, а не себя...

Восторг ожидания выводит из сна... и наполняет калейдоскопом мыслей от вчерашних и предыдущих впечатлений...

Мерзко пахнет от политики, которая создаёт искусственную жизнь, глумясь над подлинной, уводит в сторону... и нет ощущения, что её можно преодолеть – слишком большое нагромождение ненужного...

Юношеский возраст сложен тем, что сознание формируется под гнётом впечатлений, а они разнонаправлены... можно ли найти правильный выбор?

Что видят чехи и словаки в «своём» социализме?.. Не хочется верить в какую-то гнусную национальную идею... Национализм не просто грубое стадное чувство, а глубокая ограниченность... не верю в ограниченность этих народов.

Не хотят быть воинственными?.. Понимаю – пацифизм, не столько религиозная позиция, сколько естественная потребность человека разумного и гуманного... к сожалению, уровень

разумности человечества таков, что превращает пацифизм в метод достижения ограниченной цели.

Что будет завтра?.. Во что превратится гигантская заваруха?.. Метод устрашения – примитивный способ убеждения, не требующий особого ума и далёк от подлинной дипломатии...

И размышлять о будущем не нужно, пока есть неясный страх и непонятная тревога... Пророчество от испуга всегда апокалиптично... и уже есть «пророки»⁶... Кто они?.. Как сказал бы не искушённый в изысках мой отец – «сранная интеллигенция», которая «создаёт» и «творит» ненужное, но, по их мнению, «выдающееся»... которая предложит смотреть в прошлое, чтобы увидеть будущее... но в прошлом видят компоненты отходов жизнедеятельности для анализа с последующим диагнозом проктолога, который неутешительный – хронический геморрой... и нет будущего.

Стремление к абсолютной свободе свойственно людям, считающим «чистый разум» абсолютным умом. Во всех революциях – это самая опасная сторона дела – она уводит от жизни, устремляясь в заблуждение: умом можно сотворить всё потребное человеку. Умные слова, умные речи привлекают... и появляются адепты, идущие оторванной от жизни дорогой к цели, которая им кажется ясной и правильной.

Рядом ворочался Киричек...

– Миклаш... думаешь?

– Думаю...

– Давай думать вместе...

Утро встретило густым и оранжевым туманом. Пронизанный солнцем, он через пару часов рассеялся, подавая надежды на прибытия транспорта с харчем, палатками и прочим жизнеподдерживающим скарбом... баньки хотелось.

От сухарей болят дёсны, и невыносимая жажда – вокруг влага, а вода ценится как в пустыне... Единственная водопроводная колонка, контролируемая нашими медиками, не удовлетворяет всех.

Что делать?.. Брать воду в деревенских колодцах?.. Рассказывали⁷ – одна чешская женщина посочувствовала «иностранным» солдатам – дала попить из своего колодца... её побили,

⁶ ...пророки... 6 августа в газете «Правда» печатается статья Ю. Жукова «Оскандалившиеся пророки», где он клеймит журналистов и политиков Запада, предрекавших развал социалистического содружества в связи с событиями в Чехословакии... и оконфузились, вчитываясь в «Заявление...», сделанное на совещании 3 августа в Братиславе «Представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран», лейтмотив которого – верность «делу нерушимой дружбы народов наших стран». 16 августа статья Ю. Жукова: «Подстрекатели» – с обзором «пророчеств» на Западе и в ЧССР, в частности некий Л. Весёлый выступает за всеобщую дискуссию в странах социализма «о месте и значении компартий»... А после «Заявления...» мечтает о полемике уже в мировом масштабе... Ч. Цисарж – секретарь ЦК КПЧ выступил с «атакой на ленинизм». Исаак Дойчер – троцкист, грозил кулачком, желая уничтожить КПЧ и коммунистов. Отто Шик – зам. председателя правительства ЧССР, критиковал не только экономическое развитие своей страны, но посягнул на СССР. Ганзелка и Прохазка выступили с заявлением о необходимости либерализации в стране и с призывом противостоять коммунистам. Не знаю, кто такой Прохазка, но Ирже Ганзелка и Мирослав Зикмунд заставили меня зачитываться своей замечательной книгой «Африка грёз и действительности», которая появилась в нашей поселковой библиотеке, а путешествие они совершили в 1947 году. Они привили мне любовь к приключениям, к действиям, к движению, которые порождают множество добродетелей, потребных для развития и самовоспитания... именно любовь, а не страсть, когда разум и воля делают её задолжниками и порождает жестокость.

⁷ ...рассказывали... В первые дни «оккупации» всякие «рассказы» ошарашивали и заполняли сознание, заставляя видеть накалённую атмосферу в Чехословакии... Через пару недель появились более-менее серьёзные контакты с чехами, многие «рассказы» явно перешли в разряд «выдуманных». Но они дали свои плоды – сначала в виде ненависти и гнева к призрачным «контрреволюционерам», переросших в бдительность и настороженность ко всем чехам... Когда плод перезрел, в нём оказалось много пустоты и зёрен сомнений по всему явлению ввода войск в Чехословакию. Поэтому не привожу «рассказы», которые не подтвердились впоследствии, в которых звучала пропагандистская нотка... верилось только тому, что виделось собственными глазами... «Мы» ощущали – от чехов исходит сердитое неудовлетворение жизнью. Почему?.. Мы видели богатые деревни – дома, построенные со вкусом и фантазией, в них должны быть удобство и уют. Трудлюбивые руки приводили в порядок каждый уголок приусадебного участка. После работы чешского крестьянин не походил на нашего расхристанного колхозника – со вкусом одетый, его можно было увидеть в погостинстве, ресторане, в клубе и принять за настоящего горожанина. Предусмотрительность, в мелочах приводила в восхищение – серьёзный недостаток для русского мужика... почему

обвинив в предательстве... Патриотический поступок?.. С какого бугорка смотреть... бить женщину – дешёвый «патриотизм».

«Патриоты» в крупных городах снимали трафаретки с названием улиц, и колонны наших блуждали в городах, теряя время... и вытаптывая на поворотах газоны и цветники.

«Патриоты» били стёкла в машинах и испытывали нервы солдат... демонстративно топтали газеты, журналы и знамёна союзников по Варшавскому договору и даже стреляли из-за углов, но углы не прикрывали их...⁸

На «патриотические» поступки с нашей стороны чаще проявлялось хладнокровие – поведение было спокойным, только сердце громче билось да суставы пальцев трещали от силы сжатых кулаков.

На выстрелы отвечали выстрелом без предупреждения – командованию не хотелось тех жертв, которые безответно понесли наши войска в 56-м году на венгерской земле.^{9*}

Патриотизм любого народа бесцеремонен, патетичен до абсурда и бесстыдства... и совесть не защищена грубостью патриотизма, ибо категорически прямолинейным, не воспринимающий иные мнения... и давящий их силой аргументированных эмоций... Особый, упрощённый наш русских патриотизм: «Я был там – я знаю!»... можно много знать, но ни фи́га не понимать.

О патриотизме можно говорить молча – делами... и у каждого они свои... У меня одни, у Киричека другие и совсем другие у «комиссара».

Позже мы узнаем иных «патриотов»... этаких «интернационалистов» – провокаторов¹⁰, которые свободно перемещались не только по землям Чехословакии, но и по воинским распо-

неудовлетворённость?... Нет ответа. Мы не способны понять других, если любим только свою точку зрения... к тому же, которой не всегда придерживаемся. Не знать чужих идей, никогда не укрепишь веру в свою собственную идею, а значит не будет ни сил, ни возможности её осуществить... а твоя идея будет никому не нужной – непонятые не ценят непонятливых. Но и любить свою точку зрения – абсурд, любовь не предполагает сомнения... без сомнений любая точка зрения неподвижна и без развития.

⁸ ...но углы не прикрывали их... – один такой угол видел воочию – возможно он был единственный... Из-за угла двухэтажного дома стреляли по колонне машин, охраняемых танками... последним идущий танк на ходу развернул башню и выстрелом снёс угол дома... были ли человеческие жертвы?.. Для меня осталось неизвестным. Случилось это на выезде из Кутна-Гора... наш УАЗик, вклинившийся при въезде в этот город в колонну, был предпоследним в ряду автомобилей... Колонна остановилась за пределами населённого пункта Кутна-Гора... из машины, следующей за нами, вынесли убитого офицера... мурашки пробежали по спине – мы могли попасть в зону обстрела... Наш командир полка, выйдя из УАЗика о чём-то эмоционально минут пять беседовал с командиром автоколонны... сел в автомобиль, и мы продолжили движение по своему маршруту... без жалания о чём-то говорить. В Миловичах водитель нашей «бронемашины» с брезентовым верхом обнаружил пулевую царапину на заднем бампере и отверстие чуть выше бампера... с боевым крещением! Возвращались в часть иной дорогой, более короткой... и в одном, не запомнил названия, городке на «Батю» было совершенно покушение – на брезент над головой полковника упал кирпич... нормальный кирпич без брака и с печатью завода-изготовителя – «Батя» забрал его в Союз как сувенир, как память о возможной смерти... Кратко, суть случившегося можно передать только его словами. – Удара не было – соприкосновение, но писать захотелось, – и далее последовала просьба ко всем, кто в автомобиле – водителю и нам двоим сопровождающим... не говорить о случившемся в полку... Но на следующий день в полку стоял гудёж по пробитой «бронемашине», кирпичу... и ржали над «писать захотелось»... Перед построением «Батя» взглядом нашёл меня и Борю из Темрюка и поманил к себе пальчиком... – Смотреть мне в глаза... вижу не вы... Юрик... оторву ему яйца, – это была его угроза всякому нарушителю вне строя... В строю он распекал по-другому: – Отправлю на Шпицберген... к белым медведям... они не только яйца отгрызут. К «углам» добавлю... развороченный газон или угол дома оформлялся актом и оплачивался местным властям из казны Варшавского Договора (читай – СССР). Материальную сторону не комментирую... но какая за ней прячется мораль?.. За милосердием скрывается мерзость... если милосердие расчётливо или искупление за причинённую боль. В этом нет поиска истины, всего лишь оправдания мерзости и желание избавиться лёгким способом от сомнений.

^{9*} ...Мятеж в 56-м... В венгерских событиях для наших войск был официальный приказ: не стрелять боевыми патронами, только в особых случаях по разрешению верховного командования, или когда «противник» навязывает открытый бой... В Чехословакии холостых патронов не было, стрелять разрешалось после предупреждения словом и предупредительного выстрела в воздух...

¹⁰ ...этаких «интернационалистов»-провокаторов... – Была пара свободных часов... предложил Лёвчику... – Мы каждый раз, выходя из леса на дорогу, ходим направо... а налево повернуть?.. что там? – Ник, замечательная идея... идём налево полчаса... разведем «неизвестное». На выходе из леса услышали разговор... наши школьные знания улавливали немецкие слова. – «Двое выходят из леса»... и пугают «гансов» – их тоже оказалось двое... они действительно напугались неожиданному появлению людей в солдатской форме, – Ник, они мои... и моя мечта сбудется. – Лёва мечтал купить у чешского май-

ложениям... Что их влекло в кризисный район?.. романтика?.. Идеологическое геройство?.. «Деньги – вещь привлекательная», – ответил один из «интернационалистов», которому хотелось набить морду... но его «интеллигентный» вид не позволял совершать такое действие – подчеркнул бы наше «варварство».

Когда в обстановке много неопределённого, когда команды поступают одна за другой, часто заменяя предыдущую, создаётся сумбур и суматоха... Дел невпроворот, каждый человек по счёту: с неба падают «игрушки»... именно падают, ориентируясь по примитивному радиосигналу и визуально – «чехи» отключили «глаза» и «уши» аэродрома... но восторженно удивлялись способности наших пилотов совершать посадку, выскакивая из-за увалов Бескид, без повторного круга, с точностью попадания на бетонку, как в яблочко.

Но ещё большее удивление вызвала сама, «игрушка» своими размерами и выразительной устремлённостью форм... Капитан, лётчик местного чешского полка, стоящий с раскрытым ртом и наблюдающий за движением «игрушки», задал неожиданный вопрос: «Внутри робот?» Когда в технике заглохли двигатели и «фонарь» кабины открылся, вопрос капитана совсем непредсказуем: «К нам прилетели Герои Советского Союза?»... но это были обыкновенные парни нашей эскадрильи, не имеющие кроме юбилейных медалей никаких наград, а тем более геройских званий.

Из прибывающей техники вылезали лётчики с расширенными глазами, взбудоражено всматривающиеся в окружающий пейзаж...¹¹ а у нас, прибывших вчера, иронические улыбки – мы прошли через чувство первого восприятия... и для нас начались будни...

Мечемся вокруг «игрушек», ныряем в их нутро, всматриваемся, простукиваем, прощупываем, обтираем – готовность должна быть повешенной.

В такой ситуации понимаешь, насколько ценен ум и практичность, организаторская способность и самообладание, чтобы преодолеть неразбериху.

ора пачку «Мальборо», но у него не было пяти крон, – Шпрехен зи руссись?..– Я... Я...– Чо, я-я... головка... от магнитофона...– ...магнитофона нет...– Нахрен он мне нужен... мы идём сдаваться немцам, – у тех до безумия расширились глаза, а меня распирал смех... неимоверными усилиями пытаюсь сохранить серьёзность.– Я... на хрен... в плен не берём...– Военную тайну покупаете? – их лица преобразились... от непонятого испуга до восторженного любопытства.– Да... да... сколько стоит?– Мне нужно пять крон...– Возьмите... десять, – парень, подстриженный под ёжик, вытащил из кармана пиджака две бумажки по пять крон – будто они там специально лежали... Парням было в пределах 25-30 лет, а «ёжик», вероятно, был старшим.– Задавайте вопросы, – получив «бумажки», предложил Лёва.– В вашей части есть атомные заряды? – прошептал подстриженный под полубокс.– Эта тайна стоит не десять крон, а десять тысяч, как минимум, баксов.– Какую тайну вы откроете за десять крон? – взмолился «полубокс».– Страшную... я служу в части, которая за лесом.Моё тело не выдержало – смех вырвался из него, будто был на спектакле Аркадия Райкина... и до немцев дошло – сначала освобождался надрывный, но принуждённый смешок... потом, когда и Лёва убрал с лица серьёзность, закатились в раскованном смехе... но десять крон лежали в кармане.Они шли направо, а мы налево.В своих походах мы часто встречали «туристов», что-то «выноживающих» или расклеивающих листовки... много было немцев и американцев. Встретился однажды итальянец, за жвачку просивший ответить на его вопросы – послали на три буквы... он долго не понимал, куда идти... главное, кто «там» ему ответит и причём здесь «мадонна»...Странное желание исходило из подсознания – над немцами хотелось поизголяться, а вот американцам набить морду.Лёва купил-таки пачку «Мальборо»... долго плевался, раздал всем на пробу и засмаковал армавирской «Примой»... на оставшиеся пять крон впервые посетили погостинству.На пять крон, со сдачей, принесли четыре бокала пива... и познакомились со Зденеком...– Четыре бокала, а вас пять... почему?– Пенёзов (денег) не хватает...– Томка, солдатикам бокал пива за мой счёт, – далее Зденек выигрыв в покер отдавал мне или Лёвчику – на всех... пейте наше пиво.В тот день я услышал от коммуниста Вальдемара: «Лев – Василий Тёркин?» – я согласился... «Ты, батя? (Главный)». – нет, мы все равны... «Демократия в армии?.. Такого не может быть в СССР!» – Убедить в обратном ортодоксально мыслящего человека сложно из-за неподвижности его ума.И все «пророки», «интернационалисты» и прочие «туристы», шастающие по дорогам и городам Чехословакии, мерзки и ничтожны, хотя бы потому, что их «неуклонное мировоззрение» кем-то оплачено... У них нет чувства преступности от своих деяний, ибо нет доброты в душе, только меркантильность и прагматизм.Своими действиями они создают противостояние, из которого лепится тирания, а не демократия, которую он якобы утверждают... демократия там, где есть согласие.

¹¹ ...всматривающиеся в окружающий пейзаж... Один из «всматривающихся» офицеров (на «большой земле» моё отношение к нему было уважительное за независимость суждений и неординарность поступков), на полном серьёзе спросил:– Пока перемещались по воздуху, Чехословакию не оформили союзной республикой? – в ответ никто не улыбнулся... пёрла дурь из уст романтика-фантаста с напыщенной самоуверенностью. – Лёнчик Сашу уломает... через недельку-другую всё это войдёт в СССР! – вроде и смешно, но больше противного.Уважение к своевольному офицеру пропало... понималось – его неординарность от бесцеремонности, независимость от хамства.

В такие минуты каждый человек просматривается насквозь, открывается характер и повышаются в цене добрые товарищеские отношения.

Воспоминания о пережитом и о товарищах трогательны и приятны...

Он был в любое время в восторженном состоянии, будто жизнь для него сплошная радость – выковыривал шваброй грязь из-под «стариковских» кроватей или смывал харкотину в раковине – всякое действие веселило, не вызывая утомляющего душу отвращения. «Старики» окрестили его «Левой-одесситом»... ещё не зная его подлинного имени, я тоже звал его Лёвой, хотя, как оказалось, звали его Леонид.

Мне были по душе его общительность и восторженный задор, с которым он воспринимал жизнь, – чем был сродни моему характеру... но в силу армейских обстоятельств, запрятанных мною в глубь себя... рядом с ним происходило моё раскрепощение, и я становился самым собой. В нём восторженность была снаружи – защитой от душевного неравновесия.

Лёвчик был нашпигован анекдотами и мог «пороть» их к месту и вовремя, по ходу действия нашей регламентированной жизни. Кроме того, память хранила удивительные истории из его короткой жизни, его друзей и знакомых, известных и неизвестных одесситов. Он излучал эти истории, скрашивая армейский уют... Но и «оккупация» подбросила и анекдоты, и невероятные истории...

Можно было бы сравнить его с литературный Василием Тёркиным, но тот был всеобъемлющим по своему характеру и уму... и не реален своей собирательностью образа, а Лёвчик был непринуждённый и живой, умеющий отвлечь от тины мрачных раздумий каламбуром из «пары слов»:

– Смотри, птичка уже летит!

– Где?

– Не опускай нос, увидишь.

В понимании мы были взаимны, ещё не зная друг о друге самой малости. Без слов мы закрепили наше понимание крепким рукопожатием, само собой родившееся в единую секунду, в едином порыве... Этот молчаливый обряд тронул Валерия до увлажнения глаз, и его рука легла на наши – так родился «триумвират П» (в своём подразделении нас было трое с фамилией на букву П).

С Лёвой можно запросто побузить, облегчая настроение, потешаться над армейским жильём-бытьём и обсмеять душевные разлады, отгоняя отвратные мысли.

Он мог сказать, завораживая жизнелюбием, несколько фраз на великолепной одесской «мове» с еврейским акцентом... До встречи с ним мне не приходилось слышать одесскую речь живьём, поэтому любимые Паустовский и Бабель казались надуманными при чтении одесских разговоров... а игра слов в них попахивала дешёвизной или лёгким фарсом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.